

ГЛАВА VI. Борьба за власть между лидерами

Тезис о неограниченной власти партийного лидера в условиях демократической партии нуждается в уточнении. Теоретически руководитель партии служит воле масс. Достаточно одного намека со стороны партийной массы, и он будет отстранен. Его могут сместить или заменить в одночасье. Мы уже увидели, какие препятствия возникают на пути воплощения этой теории на практике. Партия с демократическим устройством не может полностью избежать автократии своего руководителя, но может ее видоизменить. Слепое доверие к массам – самая страшная угроза для партийного лидера. Аристократическое правительство лучше защищено от нападения масс, чем демократическое. Главный признак демократии в том, что под ее властью в солдатском ранце у каждого хранится маршальский жезл. Масса не способна на самостоятельное управление, однако каждый отдельный ее представитель способен выйти за ее пределы и начать восхождение к рядам партийных руководителей, если он обладает для этого необходимыми как положительными, так и отрицательными качествами. Появление нового руководства всегда подвергает опасности существующую власть: теперь ей придется освободить место новичкам. Прежние руководители обязаны считаться с чувствами и эмоциями масс, которым они обязаны своим положением. Они должны, хотя бы во внешних проявлениях, ориентироваться на них, быть их рабами, посвящать себя им. Часто кажется, что массы действительно управляют своими лидерами. На самом же деле новые руководители или новый правящий слой намеревается подчинить себе народные массы и внушить им свои идеи, противоположные идеям прошлого руководства. Старое правительство в таком случае вынуждено либо покориться воле масс, либо отстраниться. Если приглядеться повнимательнее, можно заметить, что подчинение воле масс – зачастую лишь средство, чтобы подорвать влияние нового руководства. Это неочевидный реверанс в сторону капризных масс, способ прямой борьбы с угрозой возникновения новой элиты.

Борьба между партийными руководителями и их ревность друг к другу подталкивают их к возвышенной, почти артистической деятельности [273]. Члены парламента стремятся посрамить своих противников за пределами парламента и в то же время сохранить уважение масс. Это одновременно их демократическая обязанность и олигархическая мера предосторожности. Так как большинство избирателей и партийных коллег членов парламента не догадываются об их деятельности, а потому обвиняют их в бездействии, членам парламента время от времени приходится напоминать о себе [274]. Из этой необходимости и возникают продолжительные речи или оживленные выступления, которые часто можно услышать на заседаниях австрийского, французского, итальянского или английского советов, ведь ничто так не привлекает внимание масс к фигурам руководителей, а в большинстве стран даже становится поводом для гордости, поскольку это действенный способ задеть чувства людей, к тому же куда более доходчивый и

доступный широким кругам, чем мудреный доклад об использовании гидравлической энергии или о договоренностях с Аргентиной. Но и обычные выступления представителей демократических партий в парламенте имеют важное значение. Депутаты социалистической партии в Италии хвастались тем, что получали право слова 212 раз в период с 25 марта до 10 июля 1909 года. Их выступления составили 20,4 % от всех произнесенных в парламенте речей, в то время как социалисты представляют всего 8 % от общего числа депутатов парламента[275]. Подобная словоохотливость не только повышает престиж партии по сравнению с партией противника, но и играет на руку отдельным депутатам, обеспечивая им успешные перевыборы и победу над внешними врагами и внутренними завистниками.

Считается, что народные революции пожирают своих предводителей. Кола ди Риенцо, Микеле ди Ландо и Мазаньелло в Италии, Дантон и Робеспьер во Франции – эти и многие другие примеры вроде бы доказывают справедливость этого убеждения. Но обвинять народные массы в неповиновении руководству было бы ошибкой. Не массы пожирают лидеров, а лидеры сами пожирают друг друга. Типичный пример: Дантон пал жертвой Робеспьера, а Робеспьера погубили выжившие дантонисты.

Слабые и бессовестные руководители для воздействия на массовое мнение используют формальные приемы демагогии. Демагогия – оружие подхалимов. Вместо того чтобы вывести массы на новый уровень, они сами опускаются к ним лишь ради того, чтобы применить свои лживые, актерские уловки, подчинить массы своей власти и править от их имени, как будто им неведомо тщеславие и они только и мечтают о том, чтобы стать верными рабами на службе у масс. Самые честные и нравственные из них видят секрет успеха в том, чтобы «усмирить и подчинить своим планам неукротимую, слепую, лавинообразную импульсивность толпы»[276].

Существует множество причин для возникновения противостояния между лидерами, которое в итоге приводит к конфликтам. Часто причина кроется в хронофизиопсихологических различиях между поколениями – юные против старых. Или дело может быть в различном социальном происхождении – эталонные пролетарии против эталонных буржуа (см. ч. IV, гл. 6). Во многих случаях противостояние начинается из-за различных целей разных функциональных подразделений движения: партия против профсоюза, фракция против партийного комитета. Линия конфликта может быть горизонтальной – борьба одного бюрократического слоя с другим или вертикальной – разлад между двумя региональными руководящими группами, баварским и прусским правительством, партиями Франкфурта и Ханау, между французскими сторонниками Вайяна, Жореса и Эрве и немцами, поддерживаемыми Бебеля и фон Фольмара на дебатах в Штутгарте, посвященных политике антимилитаризма. Но чаще всего конфликты между группами руководителей возникают на почве двух комплексов причин. Во-первых, из-за деловых, принципиальных различий в мировоззрении или, по крайней мере, различий во взглядах на ближайшую перспективу развития и тактику. Поэтому внутри политической системы возникают различные направления: реформисты и марксисты, синдикалисты и социал-демократы и т. д. Во-вторых, из-за личных, индивидуальных различий: личная неприязнь, зависть, недружелюбие, безрассудная борьба за власть, демагогия. Вспомним слова Энрико Ферри о его политическом противнике Филиппо Турати: «...он ненавидит меня,

ведь ему кажется, что двум петухам тесно в одном курятнике» [277]. Зачастую эти два комплекса проблем проявляются в сложной, запутанной форме. Но со временем первый комплекс причин неизбежно приводит ко второму, а второй всегда стыдливо старается выдать себя за первый.

Установлению олигархии, в которую вырождается демократия, угрожают две формы власти: демократическое сопротивление масс и тесно связанный с ним и, вероятно, следующий из него переход к монархической власти через захват власти одним олигархом. Такая опасность исходит снизу или непосредственно из центра партии. Мятежники с одной стороны, узурпаторы – с другой. Поэтому во всех современных народных партиях не хватает духа братства, человеческого доверия и, наоборот, присутствуют производная от такого положения дел постоянная готовность к борьбе, тот же раздраженный *spiritus animi*, который становится причиной возникновения недоверия между лидерами и главной отличительной чертой демократии вообще. Недоверие со стороны соратников по партии направлено в первую очередь против молодых партийных руководителей. Любая олигархия с опаской относится к собственному потомству. Она видит в нем своего прижизненного наследника. Превенция власть, как материальная, так и духовная, гордится своим прошлым и потому склонна относиться высокомерно к тем, у кого нет богатой истории. В некоторых городах Сицилии противоборствующие партии иронично зовутся *i ricchi* и *gli arricchiti* – богатые и разбогатевшие. Аристократы и парвеню (с одной стороны аристократы и крупные землевладельцы, с другой – торговцы, предприниматели, общественные рабочие, фабриканты и т. д.) [278]. В современных демократических партиях разворачивается похожая борьба, но без привкуса финансового превосходства. Она приводит к бесконечным нарушениям свободы мысли и свободы слова в той их форме, в которой они явлены в условиях упорядоченной демократии, развивающейся внутри партии [279]. Руководители партии, в руках которых находится власть, не делают никакой тайны из естественных тенденций ограничивать свободу слова несогласных. Поэтому они так почитают дисциплину и субординацию, особенности, в которых видят суть партийного устройства. Подчас они так заносчивы, что вводят цензуру для своих коллег, подозреваемых в симпатиях к мятежникам, тогда они запрещают издавать собственные газеты и ограничивают возможность публикаций только официальными изданиями, находящимися под партийным контролем. Запрет на работу в буржуазных газетах, принятый в немецкой социал-демократической партии, – требование отказаться от изданий, созданных на деньги капиталистов, но социалистических по своему содержанию, которые находятся вне влияния партийной власти [280].

Как правило, массы поддерживают старое руководство в его борьбе с молодежью. Массы рядовых рабочих партии проявляют своего рода естественный скепсис к новичкам, которых не поддерживает и не защищает существующая власть, особенно если новички принадлежат к другому социальному слою. В результате новоиспеченный член партии, если не хочет избежать жесткой критики, должен пройти период «карантина», прежде чем ему предоставят право высказывать собственные идеи. Срок этого «карантина» значительно увеличивается из-за почтенного возраста членов немецкой социал-демократической партии и, как следствие, значительного морального превосходства ветеранов движения. Особым уважением пользуются те, кого считают основателями партии, а также те, кто лично пережил чрезвычайные для истории немецкого рабочего движения события, например

Исключительный закон, ставший для них боевым крещением. Социал-демократ, который на протяжении 8-ю лет носит в кармане партбилет, в некоторых партийных кругах все еще воспринимается как новичок. Это явление усиливает свойственное немецкому народу почтение к пожилым, склонность к иерархии, которой не избежала и социал-демократия. К этому важно добавить еще одно наблюдение: немецкому рабочему движению, как и любой жестко структурированной чиновничьей организации, свойственна инстинктивная эксклюзивность. Мы видим, как в немецкой социал-демократической партии в отличие от других, не так хорошо организованных социалистических партийных организациях недостаточным авторитетом пользуются не только новички, но и члены партии, которые не живут исключительно за счет своей партийной работы, – свободные литераторы или деятели любой другой независимой сферы, не занятые в партийном механизме напрямую. Это обстоятельство, безусловно, способствует нехватке талантливых преемников, на которую так часто сетуют члены партии. Новоиспеченный член партии, который по роду своей деятельности не является частью системы рабочего движения, будь то работа редактора или секретаря, руководителя профсоюза или страхового управляющего, при всей его интеллигентности *de facto* вряд ли сможет завоевать должное уважение со стороны партийных товарищей, несмотря на то что в соответствии с формальными правилами партия предоставляет ему все привилегии демократии. Ежегодные партийные конгрессы стоило бы назвать бюрократическими конгрессами. Это было бы справедливо. Процент партийных и профсоюзных служащих среди депутатов невероятно велик (см. ч. II, А, гл. 2). Однако выявленные здесь тенденции станут еще очевиднее, если мы обратимся к составу высшего партийного руководства. Правление Социалистической партии Германии в отличие от соответствующей партии Италии состоит не из молодых людей, но из испытанных, «заслуженных» членов. Не из партийных литераторов, как во Франции, но из партийных чиновников. Консервативные взгляды масс содействуют устремлениям престарелого руководства, массам не приходит на ум доверить управление своими делами кому-то «из народа», не имеющему ни звания, ни титула, ни опыта на соответствующей должности[281].

Чтобы справиться с молодыми руководителями, до сих пор представляющими меньшинство, старое руководство инстинктивно прибегает к целому ряду мер, которые должны были бы привести их к победе, но на деле лишь откладывают их поражение.

Одно из таких средств мы должны упомянуть и в связи с другим вопросом (см. ч. III, гл. 3). Руководители партийного правления публично обвиняют лидеров партийной оппозиции в некомпетентности, необученности, критиканстве и развращении партии, в демагогии и мошенничестве, при этом они объявляют себя представителями массовой воли. Во имя этой воли и во имя демократии они призывают непокорных или просто неугодных им оппозиционеров к повиновению и дисциплине.

В борьбе друг с другом руководители апеллируют и к мотивам более высокого порядка. Когда исполнительная власть претендует на право вмешиваться в демократическую деятельность отдельных секций организации, она мотивирует свои претензии тем, что только она обладает необходимым пониманием сути проблемы и достаточно широким кругозором, а также социалистическим образованием и интуицией. Немецкие радикалы требуют сохранить центральную власть в руках центрального комитета, чтобы использовать ее в качестве противодействия новоиспеченным членам партии, власть

которых неизбежно растет в силу расширения рядов партии. Прежние лидеры вынуждены контролировать массы, чтобы в их рядах не появились новые «коллеги» партийного руководства. Поэтому они требуют, чтобы список кандидатов в рейхстаг, выдвинутых избирательными округами, был заранее согласован с правлением партии [282].

Старые руководители всегда стремятся подчинить себе всякое новое партийное движение, которое еще не успело обзавестись могущественным лидером, чтобы предотвратить конкуренцию и появление любых новых умонастроений. Большая часть немецких социал-демократов и членов профсоюзов искоса поглядывала на формирование молодежного рабочего движения. Однако, когда они осознали, что этот процесс уже невозможно остановить, они решительно встали у него во главе и взяли бразды правления в свои престарелые руки. Для руководства молодежным движением был учрежден Центральный комитет рабочей молодежи Германии, в его состав вошли по четыре представителя от социал-демократического партийного правления, от центрального профсоюзного комитета и союза молодежи; таким образом, руководство движения на две трети состояло из старых членов партии (восемь старых против четырех молодых)[283]. Это опекунов сталкивается с оппортунистским гневом молодежи, которая пытается избавиться от контроля существующей власти[284].

Вместе с тем разнообразие средств в распоряжении старой власти для победы над новоиспеченными конкурентами этим не исчерпывается. Карл Великий завершил покорение саксонских племен, пожаловав их предводителям графские титулы. Этим он не только повысил их социальное положение, но и позволил им, пусть и в ограниченном объеме, разделить с ним власть. С тех пор этот способ применялся в истории бесчисленное количество раз: везде, где встречались непокорные, но влиятельные лидеры, которых было необходимо обезвредить, чтобы защитить старое правительство от военной угрозы. Монархии и олигархии обращались к этой тактической хитрости с одинаковым успехом. Даже в прусском феодальном государстве самый своенравный представитель бюргерства мог быть пожалован в тайные советники[285]. Говорят, что на выборах середины 80-х годов XIX века политический абсентеизм испанского населения был таким, что правительству пришлось взять дело в свои руки, чтобы обезопасить себя и позаботиться об избрании необходимого минимума оппозиционных кандидатов[286]. В последнее время эта тенденция проявляется среди правящих классов демократических государств, которые стараются предотвратить формирование революционного рабочего движения и предоставляют лидерам рабочих партий места в правительстве, надеясь таким образом сдержать и ограничить их революционный пыл.

С целью усмирить неудобную для нее оппозицию олигархия современных демократических партий часто обращается к тем же самым средствам. Если лидеры оппозиции представляют опасность – в силу поддержки масс, но их ряды немногочисленны, то старые руководители партии стремятся охладить их пыл именно таким образом: оппозиционных лидеров ставят на высокие партийные посты, им оказывают должные почести, что делает их совершенно безвредными. Однако при этом их не допускают до первых, почетнейших постов, а на второстепенных должностях они не пользуются необходимым влиянием, находятся в безнадежном меньшинстве и разделяют ответственность за свои действия и решения со своими бывшими оппонентами [287].

Путь новых руководителей к власти весьма тернист. Они вынуждены преодолевать препятствия самого разного рода, и поддержать их может только преданность масс. Борьба между старыми и новыми руководителями редко решается в пользу последних. Заключительный акт этого процесса состоит не в циркуляции элит, но в их воссоединении: это процесс слияния двух элементов. Молодое поколение наносит удар за ударом, пока совсем не выбьется из сил, чтобы его не уничтожила прежняя власть, и использует в том числе обходные пути. Юное руководство отрешивается от того, что его взгляды расходятся со взглядами большинства, хвастается, что способно последовательно развивать прежние принципы, и жалуется на недостаток демократического духа в рядах прежних руководителей. Нередко удары, которые им наносят, они отражают, спрятавшись за спинами своих властных и опытных конкурентов. Они убеждают своих рассвирепевших оппонентов, что полностью разделяют их взгляды и поддерживают их действия, в результате удар повисает в воздухе[288]. Только в двух случаях напряжение возрастает настолько, что все связи разрываются. Во-первых, когда руководители одной из сторон резки и фанатичны в вопросах тактики или чрезмерно самолюбивы и нетерпимы, иначе говоря, когда они слишком серьезно относятся к деталям, вносящим разлад в систему. И во-вторых, когда одна из сторон находится в психологическом состоянии, не позволяющем уживаться с другой в рамках одной организации и продолжать непрерывную борьбу за власть над массами внутри нее. В этих случаях партия раскалывается на две отдельные партийные организации, в каждой из которых возобновляют свое воздействие уже известные нам олигархические тенденции.

Одна из любопытнейших глав в истории борьбы за единоличную власть – меры предосторожности, которые партийные лидеры предпринимают внутри подвластных им организаций для поддержания дисциплины, то есть сохранения связующей силы большинства.

В американском Конгрессе у каждой партии есть специальный комитет, который отслеживает посещаемость заседаний и накануне важных совещаний и переговоров напоминает депутатам о необходимости присутствовать на своем месте. Если на заседании предполагается обсуждение важного законопроекта, этот комитет созывает кокус – заседание фракции, проводимое за закрытыми дверями, на котором принимается предварительное решение, как должны голосовать депутаты партии. Решение кокуса обязательно для всех членов партии. Немедленное наказание за неподчинение, разумеется, не последует, но на следующих выборах самовольные депутаты, скорее всего, будут лишены мандата. Партийные руководители в Вашингтоне непременно поставят в известность коллег провинившегося депутата о вопиющем нарушении дисциплины. Важнейший кокус предшествует выборам президента Конгресса. Взгляды и симпатии спикера влияют на организацию комиссий и партийную линию на протяжении всего срока полномочий руководителя, поэтому его выбор имеет чрезвычайное значение, а голосованию предшествуют недели интриг и охоты за голосами избирателей. Однако фракция определяет решение депутатов по поводу принятия того или иного закона не во всех случаях. При обсуждении незначительных законов каждый член Конгресса волен распоряжаться своим голосом по своему усмотрению. В особенно напряженные периоды, напротив, от членов фракции вопреки решению кокуса требуется индивидуальное подчинение руководителю партии (party-leader). Чаще всего это происходит в Палате

представителей, в то время как сенаторы в основном ревностно следят за всеобщим равенством. Тем больше значения имеет решение кокуса для Сената, здесь он работает лучше, так как никогда не состоит более чем из 50 человек в отличие от многочисленной Палаты представителей, которая насчитывает более 200 членов [289].

Фракция немецкой социал-демократической партии в рейхстаге по своему внутреннему устройству тоже подчиняется всеобщему организационному принципу [субординации]. Большинство принимает решение об «обязательном фракционном голосовании» (Fraktionszwang). Иначе говоря, в ходе фракционных заседаний принимается позиция по поводу отдельных вопросов, которыми предполагает заниматься рейхстаг (или ландтаг). Принимается мнение большинства, ни один депутат не голосует самостоятельно. Таким образом, в Германии в отличие от социалистической фракции французского парламента, где со времен междоусобиц между сторонниками Геда и Жореса и вплоть до нынешних времен Объединенной социалистической партии каждый депутат может принимать решение самостоятельно, социал-демократическая фракция все время косвенно заявляет о себе, не только в ходе голосований в рейхстаге, на которых упоминается социализм, но и в тех вопросах, которые далеки от социалистических идей и судить о которых можно лишь исходя из собственного опыта. Свобода мнений ничего не стоит там, где все определяет система.

Превентивные меры для удержания меньшинства под контролем руководства до тех пор, пока меньшинство работает на партию, теряют свою эффективность, когда конфликт разворачивается не между меньшинством и большинством членов фракции, а между частным фракционным представителем, которого поддерживает именитое региональное партийное руководство, и остальными депутатами социалистической партии. Одному здесь проще победить. Массы избирателей покорно следуют за любыми переменами в политике своих депутатов. Также поступают и союзы избирателей. Министры Бриан, Вивиани и Мильеран были исключены из Французской социалистической партии. Но социалистические организации в их избирательных районах продолжали их поддерживать. Сходные случаи: Джон Бернс в Англии (Баттерси) и Энрико Ферри в Италии (Мантуя). В Германии понадобился весь авторитет высших партийных инстанций, чтобы отвести партийных товарищей в Хемнице от избранного ими Макса Шиппеля или от Гора в Митвайде.

Склонность депутатов ставить себя выше партии проявляется ярче всего в тех случаях, когда партия имеет четкую структуру, то есть в условиях современных рабочих партий и внутри их ревизионистских направлений. Депутаты, представляющие эти направления, ведут непрерывную борьбу до тех пор, пока партийное большинство не примет их сторону. Они стремятся избавиться от давления партии и рабочих масс и хотят перенести отношения зависимости от партийных отделов на взаимодействие с избирателями, то есть влиять на своих избирателей, серую, неорганизованную, безразличную массу. Вместо того чтобы обращаться к организованным массам, находящимся под влиянием их политических противников, они обращаются к массам избирателей, на которых они возлагают всю ответственность. Отношение к избирателям как к тем, кто распределяет власть, свойственно демократической системе взглядов. На международном конгрессе в Лондоне в 1893 году четыре французских депутата не воспользовались мандатами, предоставленными им партийным и профсоюзным руководством (тем самым нарушая правила конгресса), но

принимали участие в съезде, так как представляли социалистическую партию в палате парламента. Это приводит нас к принципиально важному вопросу о том, какую роль играют избиратели, выдвигающие социалистических депутатов в палату, не обладают ли они теми же правами, что и локальные социалистические объединения, локальные профсоюзы, тем более что последние формируются из крохотной горстки участников [290]. Социалистически настроенный (пусть и не социалистически организованный) электорат – это прочный демократический базис, он куда прочнее, чем ничтожная партийная группа, состоящая из мелких буржуа и адвокатов, или, если мы допустим, что большая партия непосредственно представлена в конкретном районе, значительно лучше пустых собраний о проведении депутатских выборов[291].

Из приведенного выше анализа весьма разнообразных видов борьбы между двумя руководителями, руководителями и массами можно сделать следующие выводы.

В международном рабочем движении, даже несмотря на его юный возраст, фигура руководителя выглядит куда более гордой и властной, чем в любом другом современном социальном слое. Конечно, в истории современного пролетариата можно найти примеры кондотьеров, павших и сверженных, оставленных своими сторонниками. Но это редкие примеры. К тому же они лишь в некоторых случаях доказывают, что опыт масс значительно богаче опыта руководителей. Гораздо чаще из этих примеров мы видим, как новоиспеченный руководитель, обратившийся за поддержкой масс в ходе конфликта со старым руководством, выходит победителем. Молодым удается устранить и заменить старых, чего бы это ни стоило[292]. Однако выигрыш демократии от этой замены быстро сходит на нет.

Лидеры партийного социалистического меньшинства ведут себя в точности как католики, которые, тоже оказавшись в меньшинстве (чтобы это доказать, достаточно заглянуть в католико-политическую литературу о Kulturkampf Бисмарка, а также посмотреть на борьбу между церковью и государством, разгоревшуюся в последнее десятилетие во Франции), вдруг оказались ярыми защитниками свободы. Они восстают против полицейских методов борьбы, к которым обращаются партийные руководители[293], и в своем поведении проявляют истинно демократические склонности (см. введение, гл. 2 и ч. II, гл. 5). Они стараются свести к минимуму обязанности партийных членов, чтобы по возможности избежать давления со стороны масс.

Однако как только молодые руководители добьются своих целей, то есть во имя поправленных прав безымянных масс смогут сломить ненавистную тиранию своих предшественников и занять их место, они тут же изменяют свое поведение и в результате (если не по форме, то по сути) станут как две капли воды похожи на свергнутых ими тиранов[294]. Факт этого превращения подтвержден историческими примерами, совершенно неоспорим и однозначен. Общественная оппозиция, направленная против конкретных королевских особ, редко действительно угрожает короне вообще. Также и протест молодых лидеров против института власти в целом и существующего партийного руководства в частности вообще не опасен. Революционеры сегодня – это реакционеры завтра.